

Check for updates

Теория и история культуры, искусства

УДК 903.2

EDN QWLMLY

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-331-339>

Монастырь как поликультурный концепт ландшафта Русского Севера

А. В. Дмитриева ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Дмитриева, А. В. (2025) Монастырь как поликультурный концепт ландшафта Русского Севера. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 4, с. 331–339. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-331-339> EDN QWLMLY

Получена 27 сентября 2025;
прошла рецензирование 1 ноября 2025; принята 8 ноября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. В. Дмитриева (2025).
Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Аннотация. Роль монастыря в культуре Русского Севера является полифункциональной, его исторический опыт многогранен. Появление монастырей с крепостными стенами и белокаменными храмами на периферийных, малозаселённых территориях, где к XIV веку ещё были живы традиции язычества, явилось следствием колонизационной политики Москвы. С самого своего основания монастырь становится «оплотом веры» и маркером православной ойкумены, пограничным и даже военным форпостом государства, местом политической ссылки, центром экономического развития отдалённых территорий Севера и ведущим духовным и художественным центром региона. В качестве системообразующих элементов культуры монастырской повседневности можно выделить следующие модусы. Во-первых, идея отшельничества, ухода от мирской суеты во имя спасения души. Во-вторых, непрерывная молитва, которая помогала подвижникам преодолевать телесные лишения и искушения, регламентировала основные сферы бытийного уклада, задавала ритм обители. В-третьих, первостепенное место в повседневной жизни монастырских насельников северных обителей занимал физический труд как один из ведущих способов исполнения обета послушания, дополняющий главную — духовную — работу инока. Монастырь оказывается влиятельной сферой политики государства и вплоть до Новейшего времени играет одну из центральных ролей в истории культуры региона и страны в целом.

Ключевые слова: молитва, монастырь, поликультурный, послушание, Русский Север, «северные письма», социокультурный институт, фортификация

Monastery as a multicultural concept in the landscape of the Russian North

L. V. Dmitrieva ✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Dmitrieva, L. V. (2025) Monastery as a multicultural concept in the landscape of the Russian North. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 331–339. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-331-339> EDN QWLMLY

Received 27 September 2025; reviewed 1 November 2025; accepted 8 November 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © L. V. Dmitrieva (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY License 4.0.

Abstract. The monastery in the culture of the Russian North is a multifunctional phenomenon, and its historical experience is diverse. The emergence of monasteries with fortified walls and white-stone churches in peripheral, sparsely populated territories, where pagan traditions still persisted into the 14th century, resulted from Moscow's colonization policy. From their foundation, these monasteries became 'strongholds of faith' and markers of the Orthodox Ecumene, serving as border and even military outposts, places of political exile, centers of economic development for remote northern territories, and the region's leading spiritual and artistic centers. The fundamental elements of everyday monastic culture include the following modes. First, the idea of monastic seclusion, a retreat from worldly vanity for the salvation of the soul. Second, incessant prayer, which helped overcome physical deprivation and temptation, regulated the main spheres of existence, and set the monastery's rhythm. Third, physical labor, which occupied a primary place in the daily lives of northern monks as a principal way of fulfilling the vow of obedience, complementing their primary spiritual work. Monasteries were an influential sphere of state policy and, until the modern era, played a central role in the cultural history of both the region and the country as a whole.

Keywords: prayer, monastery, multicultural, obedience, Russian North, Northern icon painting, sociocultural institution, fortification

Без православного монастыря сложно говорить про историю культуры России. Монастырь — особый институт в структуре общества, на который исторически возлагалась не только религиозная, но и важная государственно-политическая роль, а также просветительская и художественная миссия. Наглядным примером здесь выступают монастыри Русского Севера. Понятие «Русский Север» объединяет северные регионы Европейской части России. Эта территория не имеет зафиксированных картографических границ. Историко-культурная зона Русского Севера включает сегодня территории Архангельской, Вологодской, Мурманской областей, республик Карелия и Коми, а также Ненецкого автономного округа. Образ Русского Севера как самобытного природного и культурного ландшафта во многом сформирован монастырями, скрытыми среди глухих таёжных лесов или не тронутых до настоящего времени индустриальной цивилизацией островов. Северные монастыри и сегодня остаются центрами притяжения многочисленных паломников и туристов, а узнаваемые архитектурные силуэты давно стали культурным брендом региона.

Подробное описание отдельных монастырей Севера изначально представлено в агиографической литературе, например, «Житие преподобных Савватия и Зосимы, чудотворцев Соловецких», а также в сборниках, составленных монахами в XIX веке, например, «Описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря» (Досифей архимандрит 1836), «Описание Валаамского монастыря: с приложением изображения Сергия и Германа валаамских чудотворцев» (1890).

Историография культуры монастыря достаточно обширна и разнопланова. Она рассматривает северный монастырь в историко-культурном контексте колонизации и сопутствующих ей процессов христианизации (Бочаров Г., Выголов В., Денисов А. И., Фёдорова Б. Н., Иванова Г. О., Брянчанинов И., Скопин В. В., Бушуев С. В., Лойко В. Е., Коняев Н. М.); архитектуру и фортификацию монастырского ансамбля (Иванов В. Н., Максимов П. Н., Торопов С. А., Молева Н. М., Савицкая О. Д., Косточкин В. В., Фруменков Г. Г., Домашнев А. Д.); ссылку и монастырские тюрьмы (Ракитин А. И., Солженицын А. И.); художественные аспекты культовой архитектуры и иконописания, а также роль монастырей как центров летописания, книжности и образованности (Флоренский П. А., Лихачёв Д. С., Кольцова Т. М., Петрова В. В.).

Русский Север всегда отличал высокий удельный вес монастырей и их непосредственного

влияния на окружающую ойкумену. В северных, периферийных, ещё не до конца освоенных областях к началу XX века действовало более 70 православных обителей. Так, в 1908 году только в Вологодской губернии насчитывалось 26 мужских и 5 женских монастырей; в Архангельской губернии — 20 мужских и 6 женских; в Псковской — 8 мужских и 5 женских монастырей (Денисов 1908). Крупнейшими из них были: Спасо-Преображенский Соловецкий мужской монастырь, Свято-Успенский Псково-Печёрский мужской монастырь, Валаамский Спасо-Преображенский мужской монастырь и Кирилло-Белозерский мужской епархиальный монастырь.

Не случайно религиозный писатель Андрей Муравьев назвал северные русские земли, окружающие Вологду и Белозерск, «Русской Фиваидой на севере» (Муравьев 1999). Это название появилось как сравнение с древнеегипетской областью Фиваидой, где селились когда-то в большом количестве раннехристианские монахи-отшельники. Географические и смысловые границы ойкумены Северной Фиваиды вместе с освоением монастырскими насельниками водных — озерных, речных, морских — коммуникационных путей расширилась до самого что ни на есть «краесветного пространства» — Соловецкого архипелага в Белом море.

Вместе с началом возвышения в XIV веке Московского княжества начинается движение русского этноса на север: «Россия начала оживать и это тотчас отозвалось в построении монастырей, которых в этом веке основано около восьмидесяти, в том числе Троицкий Сергиев, Симонов и Кирилло-Белозерский» (Геронтий иеромонах 1897, 8). В процессе освоения северных земель шла обязательная христианизация коренного населения. В освоении, обживании русским этносом северной периферии одну из ведущих ролей играло православное монашество.

Очень быстро финно-угорские земли заполняются множеством монастырей и храмов, обнесённых каменными крепостями. И хотя монаха в суровый и малообжитый ландшафт Севера влекла, прежде всего, идея уединённого отшельнического быта, нужду создания обителей, которые могли бы стать оборонительными форпостами северных границ и экономическими центрами отдельных из обширных территорий Русского Севера прекрасно понимало государство, делая монастырь своеобразным «инструментом» в тактике колонизации. Таким образом, с самого момента основания на северный монастырь возлагается государственная, политическая роль. Почти все монастыри возникают на берегах рек, озёр, на островах —

основных и наиболее удобных путях сообщения Севера: Соловецкий монастырь находится на островах в Белом море, Валаамский монастырь окружает Ладожское озеро, Кирилло-Белозерский монастырь стоит на берегу Сиверского озера.

Все монастыри Севера были основаны людьми особой силы духа, подвижниками, которые оставляли мирскую жизнь в поисках молитвенного уединения. *Отшельниками и пустынноиками* закладываются основы монашества: уединение, строгая дисциплина, непрестанная молитва, в чередовании с физическим трудом, аскетизм. Зачинателями традиции монашества на Руси считают преподобных Антония и Феодосия Печерских, основавших в XI веке Киево-Печерский монастырь. Монашеский подвиг пустынночества, поиска молитвенного уединения вдали от цивилизации в XIV веке положил начало монастырским обителям на Русском Севере.

Нередко с основанием монастыря связано какое-либо *видение*, пришедшее подвижнику свыше и описанное в житии отца-основателя. Так, место для построения Кирилло-Белозерского монастыря явилось Кириллу за чтением акафиста, когда он услышал слова Богородицы об уготованном ему месте спасения и, отворив окно кельи, увидел огненный столп в направлении севера. А преподобному Зосиме Соловецкому была явлена прекрасная церковь в небесном сиянии на востоке. Излюбленными местами отшельников становились острова и выделявшиеся над равнинным ландшафтом возвышенности, по замечанию Н. М. Теребихина, как бы изъятые своей географией из земного мира (Теребихин 1993).

Выбор «дебрей» и лесных чащ как мест поселения был связан с пониманием того, что такие необжитые места — это земли языческие, не знающие молитвы христианской и населённые всяческой «нечистью», с которой призван бороться монах. В «Повестях о пустынножителех Соловецкого острова» повествование ведётся от лица «нечисти», пытающейся изгнать пришельца с острова: «Почто пришёл еси в наше жилище, что тебе до пустыни сей? Вамъ монастыри даны в жилище, намъ же необитаемые места!» (Петренко 2001, 504). Соловецкий архипелаг — не просто пустынные острова, здесь носителей христианской цивилизации встречала земля, покрытая языческими святилищами-лабиринтами.

Соловецкие острова лежат в «Студеном» море, воды которого всегда холодны и губительны. В сказаниях поморов это море граничит

с царством зла, с самим адом — обителью апокалипсических чудовищ. Новгородские мореходы называли Белое море «дышучемь мори» и рассказывали об «краесветном пространстве» как пограничье миров: человеческого и бесовского. Эти рассказы сопровождалось описанием характерного звукового и визуального ландшафта, подразумевающего присутствие «потустороннего»: «скрежеть зубный», «реку молненую»; воду, которая трижды в день «уходит в преисподнюю» (очевидно речь идёт о сильных беломорских отливах).

Такие легенды и природные ассоциации становились проверкой на прочность силы веры инока, молитва укрепляла и питала дух. Только так немощная человеческая плоть может вынести жизнь, ежедневно проживаемую как испытание, — ночи почти без сна, дни почти без пищи, в тяжёлой изнуряющей работе. Молитва, лежащая в основе монастырского богослужения, становится ядром монастырской повседневности, регламентирует все сферы повседневной жизни монастыря, задаёт ритм жизненного уклада обители, поскольку все прочие занятия и заботы подчинены расписанию церковных служб. Так, Н. В. Стикина отмечает, что в вологодских монастырях богослужению отводилось не менее восьми часов в сутки (Стикина 2007). Именно молитва придавала духовный смысл всем повседневным действиям монахов и насельников.

Как уже было отмечено, монастырь на Русском Севере играл важную роль для укрепления границ государства, являясь их культурно-цивилизационным маркером. Так, основание Кирилловского монастыря в Белозерье явилось следствием борьбы, которую вели Москва и Новгород за освоение богатых северных земель: «В Москве отлично понимали, что основанные не без княжеской помощи монастыри являются прочной опорой в дальнейшем наступлении на Новгород» (Бочаров, Выголов 1969, 133). Основание Соловецкого монастыря также имело стратегическую политическую роль. Находящаяся территориально далеко от Москвы обитель являлась поддержкой государственной власти на крайней северной периферии, в самом отдалённом уголке государства.

Являясь русскими форпостами на северных торговых путях, монастыри были призваны защищать интересы русского государства, прежде всего от посягательств Швеции. Не случайно за ними закрепился эпитет «твердыни Севера». Каждый монастырь являл собой крепость, вооружённую и в любой момент готовую к обороне. Образцом военной фортификации является

Соловецкий монастырь. Мощная валунно-кирпичная кладка стен и башен обеспечивает предельную прочность и непробиваемость крепости, созданной по лучшим традициям военно-фортификационного искусства. Впечатляют масштабы Соловецкий твердыни, переведённые в конкретные цифры: восемь башен, три из которых — проездные, десять ворот; общая протяжённость стен — 1200 метров, их высота — от шести до десяти метров; толщина стен по низу достигает семи метров; высота башен — до семнадцати метров от современного уровня земли до верха кладки (Савицкая 2005).

Соловецкая крепость несколько раз подвергалась реальному испытанию на прочность: когда монахи не поддерживали в XVII веке церковные реформы патриарха Никона, стены обители штурмовали стрельцы царя Алексея Михайловича, а во время Крымской войны, в июле 1854 года, монастырь в течение девяти часов подвергался обстрелу пушек двух фрегатов английской флотилии. И в том, и в другом случае стены остались неприступными.

Псковско-Печерский монастырь также являлся настоящей укреплённой крепостью: «Весь монастырь окружен каменною стеной и башнями. Трое ворот ведут в него с разных сторон: Святые, Нижние и Изборские. Над Святыми воротами, помимо каменной, надстроена деревянная башня, для стражи неприятельских приближений» (Шереметев 1895, 6). Печерская крепость выдержала в 1581–1582 годах тяжелейшую осаду польского короля Густава Адольфа и натиск шведов во время Северной войны.

Первоклассной крепостью был Кирилло-Белозерский монастырь, выдержавший все тяготы пограничного положения, перенесший нападения шведских интервентов и доказавший, что по своему военно-оборонительному значению он ни в чём не уступает, а во многом даже превосходит оборонительные способности крепостей средневековых русских городов.

Удалённость от центров цивилизации, специфика географического положения, прочные стены и суровые условия быта как нельзя более подходили для ещё одной исторической миссии монастырей как *тюрем в системе карательной политики государства*, куда со времён Ивана Грозного ссылали «за слова и дела против царя». Изначально предполагалось заключать в монастырские тюрьмы только людей, виновных в преступлениях против веры. Но это правило не прижилось. Особенно широкой известностью пользовался Соловецкий острог, объединявший в себе функции главной тюрьмы духовного

ведомства и секретной государственной темницы, куда ссылались «воры и бунтовщики».

По приведённым А. И. Ракитиным данным, от начавшего активно практиковать с 1560 года ссылку в монастырь Иоанна IV и до 1883 года только через тюрьму Соловецкого монастыря прошли 500–550 узников (Ракитин 2002). При этом нельзя не отметить, что монастырские тюрьмы отличались самым суровым режимом содержания узников. Приговоры часто вообще не предусматривали срока отбывания наказания, а в сопроводительных указах к месту ссылки обычными были выражения «безысходно», «навсегда», означавшие пожизненное заключение. Также известно, что стены монастыря, став тюремными застенками, не исключали и телесные пытки. Однако в пытку зачастую превращались и сами условия содержания заключённых.

Е. Ф. Грекулов описывает Головленковскую башню Соловецкого монастыря, в которой были оборудованы тюремные камеры размером менее полутора метров в длину и по одному метру — в ширину и высоту. «Маленькое оконце служило не для освещения, а только для подачи пищи. В таком мешке нельзя было лежать, узник спал в полусогнутом состоянии. Сюда заключали узников «безысходно», то есть на всю жизнь, никакой связи с внешним миром они не имели» (Грекулов 1964). Избавлением от таких нечеловеческих условий становилась только смерть.

Доля монастырских узников была очень тяжела и не всегда соответствовала бременю содеянного преступления. В Кирилло-Белозерском монастыре под тюрьму было отведено место около Косой башни. Сюда заточали за «непристойные слова» и «сумасбродство», также здесь содержали раскольников. Часто суровый приговор гласил: «до скончания века». Узниками здесь были опальные бояре, старообрядцы и сам патриарх Никон.

Наряду с богослужением, первостепенное место в повседневной жизни монастырских насельников северных обитателей занимал *труд*. Физический труд монаха — один из ведущих способов исполнения обета послушания, дополняющий главную — духовную — работу инока. Монастырь не мог бы существовать в отрыве от хозяйственной деятельности насельников, ведь только путём молитвы и тяжёлого труда возделывались почвы, выкапывались каналы, возводились церкви и соборы, ставились крепости.

Внутри монастырских стен хозяйственно-бытовой уклад представлял собой устойчивую культуру жизнеобеспечения, благодаря организации системы монастырских послушаний,

которые охватывали все стороны жизни обители, монастырские насельники должны были самостоятельно обеспечивать себя всем необходимым. Монастыри Русского Севера были не только средоточием духовной жизни, но и крупными землевладельцами, хозяйственными и ремесленными центрами. Кирилло-Белозерский монастырь был богатейшим городом-крепостью. Он владел крупными земельными наделами, огромным количеством вотчин, соляными промыслами, а также угодьями и рыбными ловлями, как во внутренних водах, так и на Белом море. Также разумно было организовано хозяйство в Валаамском монастыре, где был устроен целый ряд промыслов, таких как столярный, слесарный, иконописный, ювелирный; монастырь торговал с иностранными государствами.

Соловецкий монастырь не случайно называли «хозяином северного края». На протяжении истории обители здесь были организованы «всевозможные производства», демонстрирующие путь от культуры жизнеобеспечения к развитым формам экономической культуры. Были устроены «заводы»: свечной, кирпичный, салотопенный, лесопильный, кожевенный, гончарный. Работали мастерские: по пошиву сапог и одежды, серебряных дел, малярная, столярная, слесарная, переплётная, санная, колёсная, корзинная. Также были монастырские кузница, мельница и смолокурни (Самсонова 2003). За стенами монастыря, на берегу Святого озера, устроены огороды, содержался конный двор. Был обустроен судоремонтный док. Отдельная тема экономической жизни монастыря — производство и продажа соли; Соловки практически монополизировали отрасль солеварения в Поморье.

Крупные северные монастыри были не просто островами экономической стабильности. Физический труд культивировался здесь как основа человеческой добродетели. Сотни православных из всех уголков страны ехали в отдалённые монастырские вотчины не просто на богомолье, но в качестве трудников — безвозмездно поработать «во благо Господа». В середине XIX века на Соловках ежегодно оставалось до 200 мальчиков, часто из-за бедности родителей, которым монастырь давал не только кров и хлеб, но и обучал азам ремёсел — портного, сапожного, косторезного. При всей экономической независимости монастыря, его доходности и даже торговом статусе, принцип нестяжательности и милосердия культивировался как неотъемлемый закон общинного братства.

Монастыри Русского Севера оставили *богатое наследие иконописи*. Так, собрание икон,

созданных мастерами Соловецкого монастыря, — одно из крупнейших в России. Сегодня это наследие хранится в государственных и региональных художественных собраниях: Соловецком государственном музее-заповеднике, Архангельском областном краеведческом музее, Архангельском музее изобразительных искусств; в музеях Москвы (Музей истории религии, Исторический музей, Третьяковская галерея, музеи Московского Кремля, музей-заповедник «Коломенское»); в Санкт-Петербурге (Русский музей).

«Северные письма» — это обобщающее название иконописи Русского Севера XIV–XVIII веков. Стилль «северных писем» отличается простотой и лаконизмом. Русский Север не дал единой школы иконописи, но, тем не менее, позволил создать особое стилистическое направление. Термин «письма» как обозначение регионального феномена иконописи Севера появился еще в XIX веке. Э. С. Смирнова указывает, что искусство огромного Севера распадалось на ряд таких «писем» в силу того, что не было сформировано единого изобразительного канона «северной школы» письма, наоборот, существует сложное, многообразное в проявлениях, разветвлённое искусство различных северных областей (Смирнова 1967).

Тем не менее, для «северных писем» выделяют целый ряд общих черт: простота и «народность» транслируемого образа, подчёркнутая декоративность живописных приёмов. По мнению Э. С. Смирновой, на этой иконе не стоит искать тонкостей в прорисовках и художественного мастерства. Фигуры святых изображаются «плоско» и выглядят «застывшими». Упрощённо трактуются предметы изображений второго плана. В колорите доминируют приглушённые и даже «мутные» тона, но в то же время именно эти краски прекрасно гармонируют с интерьерами деревянных церквей и крестьянских изб, как и с неброскими красками лаконичного северного пейзажа. Зато на северной иконе всегда присутствует «глубокая искренность», «наивное и чистое простосердечие», в надписях нередко даёт о себе знать местный говор, в орнаменте — прямая связь с предметами прикладного искусства, обслуживавшими быт, в лицах святых — «воздействие местного крестьянского типажа» (Смирнова 1967).

Свои *иконописные мастерские* были организованы во всех крупных обителях Севера. Большая иконописная мастерская работала в Соловецком монастыре. Письменные источники свидетельствуют, что на Соловках только в XVII веке работали 45 иконописцев, в том

числе приезжие мастера из Вологды, Костромы, Холмогор. Большая группа иконописцев работала также в материковых вотчинах Соловецкого монастыря, получая заказы от головной обители (Кольцова 2008, 100).

Д. С. Лихачёв пишет, что иконы дарились богомольцам, продавались и обменивались (Лихачев 1999). Иконописные мастерские оставили даже имена мастеров, как упоминаемые на 1514 год Переписной книгой Соловецкого монастыря Сава и Садоф, иконописцы местные (Кольцова 2008). Соловецкий монастырь ощутимо влиял на формирование иконописной культуры Поморья.

Кирилло-Белозерский монастырь также знаменит своим собранием икон. Здесь самым известным иконописцем является Дионисий Глушицкий. Одним из редчайших ранних произведений религиозной живописи Дионисия Глушицкого является икона «Кирилл Белозерский», написанная в 1424 году, которая хранится сегодня в Третьяковской галерее в Москве.

Искусство иконописи монастырей Русского Севера объединяет общий стиль — эти иконы лаконичны и просты, в них чувствуется глубокая искренность и влияние быта северных народов. У всех монастырей Русского Севера есть общие святыне, которых чаще других изображали на иконах — конечно, Николай Чудотворец, как покровитель мореплавания, а также подвижники — основатели обителей: Зосима и Савватий Соловецкие, Кирилл Белозерский, Герман Валаамский. В стиле северных икон просматриваются ценности монашества на Русском Севере: аскетизм, твёрдое послушание, отречение и борьба с мирскими искушениями.

Д. С. Лихачёв на примере Соловецкой обители справедливо отмечал, что роль монастыря в русской культуре заключалась не только в развитии зодчества, иконописания и прикладных искусств. Помимо прочего, монастырь явился собирателем и хранителем древнерусского рукописного наследия (Лихачев 1999). Монастыри Русского Севера, оставаясь на далёких, северных рубежах государства, также были центрами *книжности и образованности*.

Особым местом средоточия духовной культуры Соловецкого монастыря была «книгохранительная палата». Один из особо чтимых старцев назначался книгохранителем при ней. Среди книг библиотеки монастыря были особые экземпляры, как, например, дары Ивана Грозного и митрополита Макария. По средневековой традиции здесь не только сосредотачивался книжный фонд монастыря, но и был организован процесс переписки ветхих или пользовавшихся

особым спросом книг, изготовленные копии которых монастырь мог дарить или продавать. Отдельным ремесленным цехом при монастыре работала переплетная мастерская — книги, изготовленные здесь, узнаваемы по особому тиснению на кожаных переплетах.

Богатейшей монастырской библиотекой на Руси было книжное собрание Кирилло-Белозерского монастыря, который также внёс огромный вклад в развитие книжности Русского Севера. Библиотека Кириллова монастыря собиралась и умножалась ещё при его основателе Преподобном Кирилле, который сам занимался перепиской богослужебных книг. Кириллу также принадлежат 17 собственных сочинений, в которых он объясняет явления природы — грома, молнии, падающих звёзд, с целью развеять людские предрассудки (Геронтий иеромонах 1897, 90).

К XVII веку в библиотеке монастыря насчитывалось 2092 рукописи, среди которых — древнейший список «Задонщины» и летописные своды XV–XVI веков. Монастырская библиотека была создана трудами старца Ефросина, талантливого духовного писателя XV века. В монастыре трудился также известный духовный писатель Пахомий Серб, автор книги «Житие Кирилла Белозерского». 350 наиболее ценных рукописей, хранившихся в библиотеке монастыря, в начале XX века были переданы в библиотеку Санкт-Петербургской духовной академии.

В Валаамском Спасо-Преображенском монастыре «библиотека монастырская имеет все книги, нужные для снискания полных сведений в монашеской жизни. Кроме напечатанных на славянском и русском языках, находятся многие рукописные», — отмечал в своём описании Валаамской обители святитель Игнатий (Брянчанинов 1847, 18). Далее следует впечатляющее перечисление «достопримечательных» рукописей: «Первое место между ними по редкости своей должны занимать “Оглашения” Преподобного Теодора, игумена Константинопольской Студийской обители, или “Беседы его к”. <...> Есть рукописные книги Отцов, описавших подвиг умной молитвы и дающих спасательные наставления и предостережения. Таковы Григория Паломы, Преподобного Нила Сорского, Симеона Нового Богослова. <...> Есть книги для руководства жителей скита, пустынников и отшельников» (Брянчанинов 1847, 18).

Подводя итоги, нужно сказать, что монастырь воплощал в себе не только официальную церковность. По убеждению Д. С. Лихачёва, мона-

стырь Русского Севера — это не только рядовые монахи, но это и монастырские трудники, безвозмездно работающие во славу Божию; и паломники, стекавшиеся сюда на богомолье со своими жизненными невзгодами и обетами; это «сырые и убогие», ссыльные и заключённые; стрельцы и солдаты; ремесленники и мастеровой люд монастыря. Это «кипучее и пёстрое сообщество людей», вносившее в жизнь малонаселённого Русского Севера движение и развитие (Лихачев 1999).

Переводя в поле предметного анализа метафоры, поэтически иллюстрирующие отдельные сферы культуры монастыря Русского Севера, — «краесветное пространство», «оплот веры», «твердыни севера», «град небесный на земле», «умозрение в красках» — получаем представление о комплексном культурном феномене, занимающем свою прочную нишу в истории региона и России в целом.

Таким образом, монастырь в ойкумене Русского Севера с самого своего основания был полифункциональным социокультурным институтом. Помимо базовой, религиозной, миссии «спасения души», здесь прививалось монастырское послушание как фундамент культуры жизнеобеспечения и экономической культуры. Монастырь являлся фортификационным сооружением, надёжной крепостью, которая охраняла государственные границы, торговые пути и останавливала неприятелей; при монастырях располагались государственные тюрьмы, в которые ссылали неугодных царю людей, подальше от Москвы, на эти удалённые рубежи государства.

Монастыри Севера были центрами притяжения культурных инноваций: хранителем художественных традиций, грандиозным ансамблем памятников русского зодчества, центром иконописи и образования. Рождённый «вызовами» истории консолидирующего свои силы государства, монастырь на Русском Севере обеспечивал геокультурную миссию Московского государства, а затем воплощал и многие стратегические задачи Российской империи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Список литературы

- Бочаров, Г. Н., Выголов, В. П. (1969) *Вологда. Кириллов. Ферапонтово. Белозерск*. М.: Искусство, 295 с.
- Брянчанинов, Д. А. (1847) *Валаамский монастырь: Очерк*. СПб.: К. Крайя, 27 с.
- Геронтий, К. иеромонах (1897) *Историко-статистическое описание Кирилло-Белозерского монастыря (Успенского) мужского первоклассного монастыря Новгородской Епархии*. М.: Печатня Снегирёвой А. И., 161 с.
- Грекулов, Е. Ф. (1964) *Православная инквизиция в России*. М.: Наука, 168 с.
- Денисов, А. И. (1908) *Православные монастыри Российской Империи*. М.: Издание А. Д. Ступина, 996 с.
- Досифей, архимандрит (1836) *Описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Часть 3*. М.: Университетская типография, 443 с.
- Кольцова, Т. М. (2008) Иконопись Архангельского края. Особенности становления и развития художественных центров в конце XVI–XVIII веках. *Знание. Понимание. Умение*, № 4, с. 97–101.
- Лихачев, Д. С. (1999) *Раздумья о России*. СПб.: Logos, 666 с.
- Муравьев, А. Н. (1999) *Русская Фиваида на Севере*. М.: Паломник, 526 с.
- Описание Валаамского монастыря: с приложением изображения Сергия и Германа Валаамских чудотворцев и 11 рисунков*. (1890) СПб.: Валаамский монастырь, 72 с.
- Петренко, Н. А. (2001) Соловецкий патерик и Повести о соловецких пустынножителях. В кн.: С. А. Семячко (ред.). *Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 491–506.
- Ракитин, А. И. (2002) Монастырские тюрьмы (на примере Соловецкого монастыря). *Загадочные преступления прошлого*. [Электронный ресурс]. URL: https://murders.ru/d131_1.html (дата обращения 17.09.2025).
- Савицкая, О. Д. (2005) *Соловецкая крепость (архитектура и реставрация)*. Архангельск: Правда Севера, 143 с.
- Самсонова, Т. Ю. (2003) Хозяйственные заведения Соловецкого монастыря во второй половине XIX — начале XX веков. *Соловецкое море*, № 2, с. 113–124.
- Смирнова, Э. С. (1967) *Живопись Обонежья XIV–XVI веков*. М.: Наука, 188 с.
- Стикина, Н. В. (2007) *Повседневная жизнь русского православного монастыря во второй половине XIX — первой четверти XX века (на материалах Вологодской епархии)*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Архангельск, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 23 с.
- Теребихин, Н. М. (1993) *Сакральная география Русского Севера (религиозно-мифологическое пространство северорусской культуры)*. Архангельск: Изд-во Поморского международного педагогического университета, 220 с.
- Шереметев, С. Д. (1895) *Псково-Печерский монастырь*. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 40 с.

References

- Bocharov, G. N., Vigolov, V. P. (1969) *Vologda. Kirillov. Ferapontovo. Belozersk [Vologda. Kirillov. Ferapontovo. Belozersk]*. Moscow: Iskusstvo Publ., 295 p. (In Russian)
- Denisov, L. I. (1908) *Pravoslavnye monastyri Rossijskoj Imperii [Orthodox Monasteries of the Russian Empire]*. Moscow: A. D. Stupin Publ., 996 p. (In Russian)
- Dosifei Archimandrite (1836) *Opisanie stavropigial'nogo pervoklassnogo Solovetskogo monastyrya. Chast' 3 [Description of the Stavropegic First-Class Solovetsky Monastery. Part 3]*. Moscow: Universitetskaya tipografiya Publ., 443 p. (In Russian)
- Gerontij, K. Hieromonk (1897) *Istoriko-statisticheskoe opisanie Kirillo-Belozerskogo monastyrya (Uspenskogo) muzhskogo pervoklassnogo monastyrya Novgorodskoj Eparkhii [Historical and Statistical Description of the Kirillo-Belozersk Monastery (Uspensky), a First-Class Male Monastery of the Novgorod Diocese]*. Moscow: Snegireva A. I. Publ., 161 p. (In Russian)
- Grekulov, E. F. (1964) *Pravoslavnaya inkvizitsiya v Rossii [The Orthodox Inquisition in Russia]*. Moscow: Nauka Publ., 168 p. (In Russian)
- Ignatij, I. I. L., Bryanchaninov, D. A. (1847) *Valaamskij monastyr': Oчерk [Valaam Monastery: An Outline]*. Saint Petersburg: K. Kraijya Publ., 27 p. (In Russian)
- Kol'tsova, T. M. (2008) *Ikonopis' Arkhangel'skogo kraja. Osobennosti stanovleniya i razvitiya khudozhestvennykh tsentrov v kontse KhVI-KhVIII vekakh [Icon Painting of Arkhangelsk Region. Peculiarities of Formation and Development of Art Centers in the Late 16th-18th Centuries]*. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 97–101. (In Russian)
- Likhachev, D. S. (1999) *Razdum'ya o Rossii [Reflections on Russia]*. Saint Petersburg: Logos Publ., 666 p. (In Russian)
- Murav'ev, A. N. (1999) *Russkaya Fivaida na Severe [The Russian Thebaid in the North]*. Moscow: Palomnik Publ., 526 p. (In Russian)
- Opisanie Valaamskogo monastyrya: S prilozheniem izobrazheniya Sergiya i Germana Valaamskikh chudotvortsev i 11 risunkov [Description of Valaam Monastery: With an Appendix of Images of Sergius and Herman, Valaam Wonderworkers, and 11 Drawings]*. (1890) Saint Petersburg: Valaamskij monastyr' Publ., 72 p. (In Russian)

- Petrenko, N. A. (2001) Solovetskij paterik i Povesti o solovetskikh pustynnozhitelyakh [Solovetsky Paterik and Tales of the Solovetsky Hermits]. In: S. A. Semyachko (ed.). *Knizhnye tsentry Drevnej Rusi. Solovetskij monastyr' [Book Centers of Ancient Rus: Solovetsky Monastery]*. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ., pp. 491–506. (In Russian)
- Rakitin, A. I. (2002) Monastyrskie tyur'my (na primere Solovetskogo monastyrya) [Monastic Prisons (on the example of Solovetsky Monastery)]. *Zagadochnye prestupleniya proshlogo [Mysterious Crimes of the Past]*. [Online]. Available at: https://murders.ru/d131_1.html (accessed 17.09.2025). (In Russian)
- Samsonova, T. Yu. (2003) Khozyajstvennye zavedeniya Solovetskogo monastyrya vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vekov [Economic Institutions of the Solovetsky Monastery in the Second Half of the 19th — Early 20th Century]. *Solovetskoe more*, no. 2, pp. 113–124. (In Russian)
- Savitskaya, O. D. (2005) *Solovetskaya krepost' (arkhitektura i restavratsiya) [Solovetskaya Fortress (Architecture and Restoration)]*. Arkhangelsk: Pravda Severa Publ., 143 p. (In Russian)
- Sheremetev, S. D. (1895) *Pskovo-Pecherskiy monastyr' [Pskovo-Pechersky Monastery]*. Saint Petersburg: M. M. Stasyulevich Publ., 40 p. (In Russian)
- Smirnova, E. S. (1967) *Zhivopis' Obonezh'ya XIV-XVI vekov [Painting of Obonezh'ye (Obonezhskaya) Region in the 14th-16th Centuries]*. Moscow: Nauka Publ., 188 p. (In Russian)
- Stikina, N. V. (2007) *Povsednevnyaya zhizn' russkogo pravoslavnogo monastyrya vo vtoroj polovine XIX-pervoj chetverti XX veka (na materialakh Vologodskoj eparkhii) [Everyday Life of the Russian Orthodox Monastery in the Second Half of the 19th — First Quarter of the 20th Century (based on materials from the Vologda Diocese)]*. Extended abstract of the PhD dissertation (History). Arkhangelsk, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, 23 p. (In Russian)
- Terebikhin, N. M. (1993) *Sakra'naya geografiya Russkogo Severa (religiozno-mifologicheskoe prostranstvo severorusskoj kul'tury) [Sacred Geography of the Russian North (religious-mythological space of North Russian culture)]*. Arkhangelsk: Pomorskij mezhdunarodnyj pedagogicheskij universitet imeni M. V. Lomonosova Publ., 220 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Лариса Валерьевна Дмитриева, SPIN-код: 5283-3609, e-mail: ffch@mail.ru
Кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры теории и истории культуры, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Author

Larisa V. Dmitrieva, SPIN: 5283-3609, e-mail: ffch@mail.ru
Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of Culture Herzen State Pedagogical University